Довольно скоро Аттикус снова вернулся к своей обычной жизни в Хогвартсе. Воскресным утром в классной комнате, переделанной для собственных нужд еще на первом курсе, он работал над чарами наблюдения за звездами на каменной плите диаметром два метра.

Хотя заклинание на потолке Большого зала было замечательным, лежащая в его основе магия была непрактичной, и поэтому Аттикусу для его целей нужно было создать свой вариант с нуля.

Потребовалось полмесяца непрерывной работы в Комнате Времени, чтобы создать данное заклинание, приближающееся по сложности к зачарованию Рудиментус, которое позволить ему искать определенные месторождения металлов.

Чары наблюдения за звездами, теперь завершены, и устраняют любые атмосферные и солнечные помехи, что позволяло просматривать ночное небо в любое время суток. Это позволит студентам использовать свои телескопы в течение дня, что позволит расширить курс занятий и больше не ждать оптимальных погодных условий.

Как только он закончит вплетать чары в выставочную плиту, он собирался представить ее своим профессорам.

Когда он начал накладывать чары на камень, его разум вернулся к личность, которая занимала его мысли больше, чем ему когда-либо хотелось бы.

Он слишком увлекся ею. С тех пор, как он обнаружил, что Риддл оказалась девушкой в этом мире, Аттикус изначально решил наблюдать издалека, вмешиваясь только тогда, когда считал это необходимым.

И все же ... нарушил свой план, когда пригласил ее встретиться с ним после того, как она явно искала его на Астрономической башне, зная, что это была уловка с ее стороны, чтобы получить информацию, понять его ценность и уровень угрозы.

И теперь ... он полностью разрушит план, если пригласит ее погостить в Сэйр-Мэнор.

Он ненадолго прервал кастинг, погрузившись в свои мысли.

"Она никогда не перестанет тебя интересовать, и она никогда не перестанет интересоваться тобой ... сильные, как правило, тяготеют друг к другу или отталкивают... иногда жестоко", - на первый план вышла шепчущая странная мысль, которую Аттикус жестко отогнал.

Такие люди, как она, чрезвычайно опасны; очаровательные, красивые, чрезвычайно умные и безжалостные. Она использовала бы все, что у нее было, чтобы получить то, что хотела, не обращая внимания ни на кого другого, вероятно, оставляя трупы позади.

Аттикус знал это с самого начала, и все же преследовал это. Это была самая неосторожная

вещь, которую он когда-либо делал, по большей части потому, что ему нравилось разговаривать с ней. Конечно, у него имелись и другие причины продолжать общение, но его собственное желание сыграло огромную роль.

Их встречи были увлекательными.

Он встречался и разговаривал со многими умными людьми, которые были мастерами своего дела, но никто не испытывал благоговейного трепета к магии. Не так, как он. Она подошла ближе всего к этой планке, когда не была так зациклена на власти, чего стало меньше на их более поздних встречах.

Это было смешно. Аттикус задавался вопросом, было ли это шуткой мироздания, что единственный человек, которого он встретил до сих пор, и который разделял его одержимость магией, даже если по другим причинам, оказался двойником воплощенного зла. Человек, которого он, вероятно, убил бы, если бы она была Томом Риддлом.

Правда, их последняя встреча закончилась катастрофой. Он поджал губы и покачал головой, после чего глубоко вздохнул и вернулся к плетению чар, рассеянно думая о том моменте.

Аттикус дал ей гораздо больше свободы действий, чем когда-либо позволял бы кому-либо, кроме своей семьи. Он мог бы причинить ей серьезную боль за то, что она имела неосторожность напасть на него.

Конечно, для Риддл это было почти рефлексивно, но это не оправдывало ее. Он пошел по пути успокоения, потому что чувствовал, что это даст наилучшие результаты, которые не приведут к тому, что ее придется убить.

Если бы он ответил насилием, то сделал бы ее своим врагом, а врагам нельзя позволять жить достаточно долго, чтобы причинить вред ему или его семье. Она тоже была не из тех, кто забывает обидчиков.

Аттикус не притворялся, что она ему небезразлична. Это было странно. Он не был уверен, что его больше волнует – сама девочка или потенциал, который у нее имелся.

Но эта забота была ограниченной. Все зависело от их следующего взаимодействия.

Если бы Эмили искренне стремилась построить что-то между ними, дружеские отношения, он бы принял ее обратно, разъяснив правила их взаимодействия. Если она согласится, он озвучит приглашение, которое разрешили его родители.

В противном случае ... это означало раннюю смерть всех дружеских отношений, которые они разделяли.

Аттикус не был уверен, что она выберет, и знал, что напугал ее во время их последней встречи. Девушка привыкла контролировать себя и стремилась контролировать ситуации в своих интересах. Ее маски были превосходны, но по мере того, как они продолжали свои встречи, они начали спадать, и стали заметны проблески ее истинной сущности. С обеих сторон.

У нее была страсть к магии, а не просто к власти. Ее глаза загорались во время его объяснений, во время их разговоров о том, какая часть магии привлекла их внимание, и она никогда не была так красива, как в такие моменты.

Он не был слепым. Эмили была бесспорно красивой девушкой. Ее фарфоровая кожа выглядела безупречной, незапятнанной и такой гладкой и мягкой. Ее волосы были черными, не такими, как у него, но более шелковистыми, до лопаток и красиво покачивались, когда она шла своей очаровательной походкой. Ее глаза всегда были проницательными, они притягивали тебя и были темно-синего цвета, который напомнил ему о глубинах моря.

Аттикус покачал головой, обрывая ход своих мыслей.

Но также у нее имелись глубоко укоренившиеся проблемы- несуществующая мораль, ядовитая ненависть, которую девушка продолжает подпитывать, и одержимость властью. Эта мощная смесь, которая в конечном итоге могла привести бы к катастрофе.

И все же в этих проблесках он увидел, что ее путь еще не определен, что еще не слишком поздно, и если она придет к нему, сожалея о своих действиях против него ... он увидит в этом подтверждение того, что она недалеко ушла...

Прошло шесть дней с тех пор, как он вернулся в Хогвартс, и, судя по его взглядам, Эмили оставалась такой же, как и всегда. Оставалось еще шесть недель учебного года. Осталось всего шесть недель, пока он не узнает, стоит ли продолжить менять ее путь или умывать руки.

Аттикус закрыл глаза и глубоко вздохнул, а через мгновение снова открыл их и поставил перед собой задачу завершить заклинание, полностью погрузившись в свою работу.

****

-Перерыв-

Эмили ПОВ

"- Твой отец тебе что-нибудь рассказывал?" – раздался вопрос Руквуда.

Малфой покачал головой: "- Нет, он сказал, что сообщит мне, когда я вернусь летом, но намекнул, что что-то привело Министерство в бешенство". – признался блондин, откинувшись на спинку стула.

"- Это, должно быть, Гриндевальд", - уверенно заявил Нотт. "- Мой отец сказал мне больше не расспрашивать его снова", - добавил он с оттенком разочарования.

"- Мой фактически сказал то же самое", - спокойно признался Орион Блэк, пожав плечами. "- Я, вероятно, тоже узнаю только летом".

Эмили закрыла книгу и посмотрела на людей, которые сидели рядом с ней у камина в гостиной факультета.

Никто из них не вернулся домой на каникулы, но оказалось, что это была упущенная возможность узнать больше о происходящем в мире.

На Слизерине просочился слух, что министр встречался с несколькими влиятельными членами Визенгамота во время весенних каникул.

http://tl.rulate.ru/book/69062/2655602